

СОДЕРЖАНИЕ



В этой истории все кошки и коты остались живы	3
Пресс-тур	47
Мертвецы идут домой	84
Зв. троп. леса	136
Карта памяти заполнена	149
Театр фон Клейста	197
Вверх и наружу	223
Сырость, валежник, песок и — пряности	235
Вдоль села Кукуева	266
Свинья в стене	295
Лягушка — прожорливое брюшко	311
Мать сырой земли	357
Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы... ..	399
Вустричный бог	427
Пробка	438
Мальчик-обжора	463
Царский гостинец	492
Благодарности.....	537

В ЭТОЙ ИСТОРИИ ВСЕ КОШКИ И КОТЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ



В первую секунду, когда дочь оглушительно завопила в своей комнате и послышался удар, как будто что-то рухнуло — или было с силой брошено в стену, — в моей голове пронеслись десятки самых ужасных предположений. Она упала? На нее что-то упало? Взорвался телефон? Или пауэрбанк? Лопнула лампа?

Эти предположения сдавили мне горло и одно временно швырнули в сторону звука — так, что я даже и не поняла, как оказалась в Васиной комнате.

Ничто не пылало, не шел черными клубами едкий дым, не зияла дыра в натяжном потолке, не валялся на полу комод, ощерившись выдвигаемыми ящиками, — последнее из моих панических видений было о том, как он накрывает собой Васю, привставшую на цыпочки и роющуюся в нем. В комнате царил лишь легкий хаос — какой и бывает к вечеру в детском царстве.

Дочь бросилась ко мне, обняла и затряслась в том самом искреннем и безысходном отчаянии, которое свойственно только детям.

— Мама, — рыдала Вася, цепляясь за меня дрожащими руками. — Мама, Томасина умерла.

Я присела на корточки и погладила дочь по голове.

— Какая Томасина? Тебе прислали какое-то видео на телефон?

Вася помотала головой и указала пальцем на валявшуюся у стены книгу. Судя по лопнувшей

обложке и мятым страницам — именно ее швырнули с тем грохотом, который так напугал меня.

Я протянула руку и кончиками пальцев подтянула к себе книгу. «Пол Гэллико. Томасина». Странно, я не покупала ее. Разве она для шестилеток?

— Откуда это у тебя? — спросила Васю.

Та, трясаясь в рыданиях, не услышала меня.

— Тома... Тома... сина... у... у... умерла-а-а-а-а!

Ну конечно, умерла.

Продолжая прижимать к себе Васю, я одной рукой открыла книгу — от страниц еще пахло острой свежестью новизны — и быстро пролистала к финалу. Не скажу, чтобы я помнила его наизусть, — эта история никогда не входила в ряд моих любимых; но и забыть его напрочь я так и не смогла за все двадцать лет — именно по той причине, по которой она не входила в ряд моих любимых.

Мертвая кошка.

Все вскинули голову — и Лори, и Эндрю, и заплаканная миссис Маккензи, и распухший от слез Вилли с обвисшими усами.

Снова раздался крик — долгое, жалобное, пронзительное «мяу!». И кто-то в комнате сказал: «Томасина».

— Кто сейчас говорил? — крикнул Эндрю.

Тишина была ему ответом. Когда же все еще раз взглянули на Мэри, на ее бледном лице навеки застыла улыбка.

Наутро, когда отец Энгус ушел, под окном обнаружили бездыханное рыжее тельце. По свалывшемуся мокрому меху и холодным лапкам все поняли, что прошлой ночью их покинули сразу две живых души.

И теперь они вместе¹.

¹ Здесь и далее частично цитируется книга П. Гэллико «Томасина» в переводе Н. Л. Трауберг.

— Откуда у тебя эта книга? — снова спросила я Васю. Я никогда не верила в то, что в детях нужно воспитывать сострадание именно таким образом: впихивая в них литературу, смакующую смерти животных. Я слишком хорошо помнила, как рыдала над «Белым Бимом Черное ухо», и не желала дочери такой же судьбы: недоверчиво открывать каждую книгу, где упоминаются кошка или собака, и уже заранее готовиться к тому, что автор их убьет. Иногда это происходило достаточно милосердно: если смерть животного должна была пробудить в главном — или второстепенном — герое что-то там из сострадания, любви к ближнему или осознания бренности мира. А иногда — если жанром был хоррор — кишки бедного кота расплскивались по десяткам страниц, а головой собаки жонглировали еще пару абзацев. К тому моменту, как мне стал понятен принцип — животное и его смерть как инструмент воздействия на читателя, — я уже изрядно очерствела. И не хотела того же для Васи.

— П-па... Па-а-а-а, — выдавила она, всхлипывая.

Ну конечно. Кровь застучала в висках. Игорь. Постоянно говорит: «Я бывший муж, но настоящий отец». И так же постоянно — постоянно! — делает все мне наперекор. Конечно, это он купил Васе эту книгу. И, скорее всего, именно три дня назад, когда я сказала: «Ничего покупать не надо, мы будем расхламляться».

Я отцепила от себя все еще всхлипывающую Васю, взяла «Томасину» и пошла на кухню за телефоном.

— Зачем ты подарил ей эту книгу? — прокричала я в трубку. — Я же просила тебя — не вмешиваться в мое воспитание!

Игорь издал какой-то странный звук — то ли вздох, то ли кряхтение, — но не произнес ничего, и поэтому я продолжила.

— Она и так у тебя почти полмесяца проводит, но ты решил и на мою территорию залезть? С чего ты взял, что я тебе это позволю!

— Оль... Оль... — мягко сказал Игорь. — С чего ты взяла, что Вася — твоя территория?

— А чья? — я начала впадать в белую, слепую ярость. Бывший муж всегда знал, как меня верно довести до ручки. — Твоя, что ли?

— Нет, — все тот же вводящий в бешенство мягкий тон. — Своя, разумеется.

— Игорь! Ты... кончай философию!

— Оль, она увидела в магазине книгу, увидела кошку на обложке. Ты же знаешь, как она любит кошек. Попросила купить — я и купил. В чем проблема? Это же книга для детей.

— Но не для шестилеток! Ты бы еще ей «Белого Бима» купил!

— Она не любит собак, ты же знаешь.

— А ты знаешь, о чем я! Игорь, ей даже Колобка было жалко, зачем ты купил ей книгу, где кошка — а она любит кошек, обожает кошек! — умирает! Зачем?

В трубке воцарилась тишина. Мне показалось, что я слышу какое-то клацанье.

— Оль, — наконец осторожно переспросил Игорь. Судя по приглушенному голосу, сейчас он прижимал телефон к уху плечом. — Ты про какую книгу говоришь? Я купил ей это... как ее... «Тумасину».

— Томасину, — поправила я. — Ты хоть пролистал ее?

— Ну-у... нет. Но сейчас погуглил краткое содержание.

— Где? В своем воображении?

— Нет, на «Википедии». И тут пишут, что кошка в конце жива.

— Ты идиот, да? Или меня держишь за идиотку? Я сейчас тебе прочту, чем там все заканчивается. У твоей дочери нервный срыв был, ты понимаешь это?

Прижав трубку к плечу, я схватила книгу. Она показалась мне странно теплой.

— Слушаешь, да? — прошипела.

И начала читать:

Снова раздался крик — долгое, жалобное, пронзительное «мяу!». И кто-то в комнате сказал: «Томасина».

— Кто сейчас говорил? — крикнул Эндрю.

Усы у Вилли Бэннока взметнулись кверху, глаза сверкнули.

— Она! — закричал он. — Она сама!

Молния сверкнула так, что лампы и свечи обратились в незаметные огоньки. Все увидели в окне мокрую рыжую кошку.

Я осеклась.

— Ну? — неторопливо переспросил Игорь. — Ну?

Я не отвечала, лихорадочно пробегая глазами по строчкам:

— Талифа, — заглушил шум ливня нежный голос Лори, — иди сюда! Иди ко мне!

Кто-то мягко шлепнулся на пол. Мокрая кошка подошла ближе, открыла рот, молча здороваясь с людьми, отряхнулась как следует, подняла одну

лапу, другую, третью, четвертую и отряхнула каждую. Практичный Вилли ловко обошел ее и закрыл окно.

— Что за черт... — прошептала я.

— Мама, не ругайся, — возмутилась Вася.

Как давно она тихонько подошла сзади? Как давно слушает мою истерику?

— Да-да, — рассеянно сказала я, легонько хлопав себя пальцами по губам: принятое у нас с Васей наказание за грубость. — Да...

— Что там? — прозвучал в трубке голос Игоря.

Я медленно убрала ее от уха и сбросила вызов.

— Ты что-нибудь понимаешь, Лори? — спросил Эндрью.

— Да, — просто отвечала она, нежно улыбнулась, и глаза ее засветились мудростью. Она встала и положила в постель девочку с кошкой. Томасина принялась мыться. Ей много предстояло сделать — из лапы шла кровь, два когтя болтались, но она сперва вылизала шею и щеки своей хозяйки, а потом без прежней ненависти посмотрела на рыжеволосого и рыжебородого человека с мокрым лицом.

Я пробежала глазами дальше. Еще полстраницы. Кошка на них не умирала. А я их читала в первый раз. Я бы подумала, что это другое издание — если бы только что, десять минут назад, своими глазами не видела бы на этих страницах иной текст.

— Мама, что-то случилось? — звонко спросила Вася.

— Томасина жива, — сказала я и захлопнула книгу. Потом открыла снова. Текст остался тем же. И как мне показалось, теперь навеки.

Вася расплылась в улыбке.

— Я знаю. Я попросила, чтобы она осталась жива.

— Кого попросила? — тряхнула я головой.

Вася не ответила. Она просто взяла из моих рук книгу, залезла с ногами в кресло — и открыла ее на последних страницах.

И я готова поклясться, что той иллюстрации, которую начала рассматривать Вася, до этого тоже не было.

Половину ночи я провела в Интернете. Скачала все доступные электронные версии «Томасины», кинула клич на паре форумов, чтобы те, у кого есть эта книга дома, глянули последние страницы. Я нашла английскую версию — и даже беглого прочтения хватило, чтобы понять: это больше не та книга, которую я знала. И более того, никто не помнил ту, что знала я. Для всех существовал единственный вариант — там, где все заканчивалось хорошо. Где кошка оказывалась жива.

В глазах у меня потемнело, в висках снова застучала кровь. Неужели так и начинается сумасшествие? Манифестация шизофрении, или как это там? С галлюцинациями, с ложными воспоминаниями?

— Мама, ты плохо спала? — спросила Вася утром, ковыряясь ложкой в каше.

Всю оставшуюся половину ночи мне снилась рыжая кошка, которая сидела у меня на груди и молча пялилась куда-то. Я не могла повернуть

голову, но точно знала — там, куда был направлен взгляд кошачьих глаз (я надеялась, что у существа под личиной кошки, что давило мне на грудь, все-таки были глаза), стояла кровать Васи.

— Да, — честно ответила я. И соврала: — Голова болела.

— Бедная мама, — сообщила Вася. — Мне тебя сегодня не отвлекать?

Я потеряла виски. Во мне что-то зрело — что-то мутное, непонятное, странное.

Это была плохая мысль — я поняла свою ошибку уже через пару страниц. Сетон-Томпсон был откровенно скучен для Васи — она зевала, ерзала, заглядывала мне через плечо, словно пытаясь понять, долго ли до конца. В какой-то момент она даже встала и ушла на ковер, собирать пазл. Однако в истории была кошка — и это удерживало ее внимание.

Наконец я добралась до финала:

Это означало голод, и киска, потерпев несколько дней, была вынуждена отправиться на розыски своего другого дома, на Пятой авеню. Она застала его заперттым и пустым. Прокараулив там целый день, она поссорилась с высоким человеком в синем пальто и на следующий вечер возвратилась в свою переполненную трущобу.

Прошел сентябрь, за ним и октябрь. Многие из кошек околели с голоду или попались, по слабости, в лапы своих врагов. И нашей киске, пусть даже крепкой и молодой, тоже выпала такая судьба.

Морозным ноябрьским утром негр-мусорщик вытащил из-под своей тележки околевшее пятнистополосатое тельце.

— *Справная шапка получилась бы, эх!* — покачал он головой, сожалея о напрасно пропавшей шикарной шубке.¹

Рассказ закончился. Я замолчала. Увлеченная пазлом, Вася не сразу поняла, что это всё.

— Мама, конец? — подняла она голову через минуту.

Я кивнула.

Вася наморщила лоб, пытаясь вспомнить последние фразы книги. Конечно, она понимала их через одну — но все равно, общую суть уловить ей удалось.

— Королевская Ана... станка... умерла от голода? — спросила.

Я снова кивнула:

— Да, кошечка Королевская Аналостанка умерла. От голода и холода. И ее выкинули на помойку.

И тут произошло то, на что я и рассчитывала — и что заставило меня почувствовать себя невероятной тварью. Губы у Васи задрожали, а глаза наполнились крупными слезами.

— Подожди, подожди, — я подскочила к дочери и обняла ее. — Ты же можешь сделать так, чтобы Аналостанка не умирала, верно? Как ты сделала с Томасиной, правда?

Вася кивнула, начиная всхлипывать.

— Тогда давай, — не отпуская дочь, я потянулась за книгой. Якорь спасения во всем этом безумии. — Давай, Вась.

— В этой истории... — Рыдания душили Васю, но она упорно продолжала: — В этой истории... все

¹ Здесь и далее частично цитируется Э. Сетон-Томпсон, «Королевская Аналостанка» в переводе Н. К. Чуковского.

кошки... и все коты... остались живы... Все кошки и коты остались живы!

Мне показалось или книга действительно стала теплой? Теплее, чем тогда «Томасина»? Почти горячей?

«Ну конечно, — мелькнула в голове дурацкая мысль. — Ведь здесь умирает куда больше кошек и котов... Несколько десятков».

Заметив, что Вася пристально смотрит на меня, я раскрыла книгу.

Пробежала глазами последние страницы.

И закрыла ее.

— Она жива, — медленно сказала я. — Они все живы. Приехал фургон с мясом, и все коты и кошки наелись и согрелись. А еще Аналостанка встретила своих выросших котят: их не убили, а просто отдали другим людям.

В отличие от развязки «Томасины», новый финал «Королевской Аналостанки» оказался слишком приторным, слишком восторженным — и каким-то... неестественным? Словно из него на меня выглянули не живые кошки, а какие-то существа, натянувшие кошачьи шкуры и разыгравшие дурную пьеску.

Просто чтобы проверить — но уже заранее зная, что увижу, — я науглила текст повести. Да, точно. Теперь на страницах сборников Сетон-Томпсона в одном из рассказов вместо суровой — и болезненной — правды жизни и рвущей душу на клочки истории оказалась слащавая банальность, словно картину мастера дорисовал ребенок.

Но разве это не было именно так?

Я глубоко вздохнула и впервые пожалела, что бросила курить. И алкоголя в доме не было.

Я не знала, что хуже — сходить с ума или знать, что твоя дочь... меняет литературную реальность?

«А что будет, когда она начнет изучать классическую русскую литературу? — меня пробило на истеричный хохот. — „Шинель“ с выжившим Акакием Акакиевичем? Раскольников не дорубит старуху-процентщицу с сестрой — и... что тогда? Онегин с Ленским помирятся на дуэли, бросят Ольгу и Татьяну и уедут кутить на воды? Или они не котики? А сила Васи действует только на котиков?»

В моей голове набухали и оглушительно разрывались пузыри мыслей. То, что происходило с Васей... то есть то, что происходило по воле Васи, было так ненормально, так странно, и так... Я не могла даже сформулировать все, что входило в это «так».

Нужно ли мне поделиться с кем-то этим? Но что я скажу? «Моя дочь меняет литературную реальность. Она делает так, чтобы кошки и коты в книгах не умирали». А если только я помню ту реальность, реальность до Васиных изменений? Что, если все остальные, кому мы с Васей покажем ее умения, будут «перекатываться» в реальность новую? И не поймут, что же произошло? А если поймут, что тогда? Эксперименты? Проверки? Испытания? Статьи в Интернете? Неадекватные поклонники и хейтеры? Не сломаю ли я Васе жизнь?

Мне почему-то вспомнились все эти истории про Нику Турбину, про прочих вундеркиндов, которых пичкали повышенным вниманием, к которым относились как к зверькам на цирковой арене, — и их сломанные судьбы, смерти, болезни, отчаяние... Я не хотела этого для дочери.

И я решила молчать.

Более того, стала давать ей только те книги, в которых — я знала точно — ни одно животное не умирало. Да и вообще, на всякий случай, решила пока перейти на всякие энциклопедии — «Замечательный мир опытов», «Эксперименты для самых маленьких», «О чем говорят звезды на небе». Уж никто не будет горевать о растворившейся в воде соли и сгоревшей в атмосфере комете.

Моя уловка сработала. Вася больше не переживала по поводу животных. А я больше не переживала за Васю и свою психику. Честно говоря, я стала думать, что мне все просто померещилось и Томасина действительно всегда была жива, а Сетон-Томпсону и правда однажды отказал литературный вкус.

— А что там у вас за игра? — вдруг спросил Игорь через пару месяцев.

— Какая? — рассеянно сказала я, прижимая трубку телефона плечом к уху.

Я отправила Васю на день к отцу — если уж Игорь так хочет быть настоящим отцом, пускай не возражает против дополнительного дня с дочерью, — а сама стала намывать дом. Я не очень любила генеральные уборки, точнее, ненавидела их, но кто-то же должен был этим заниматься, пока Вася не выросла. Одной рукой я оттирала столешницу, другой смахивала пыль со шкафчиков. Напоминала себе какую-то многорукую богиню-паучиху, которая не плетет сети, а, наоборот, разрывает все невидимые связи, которыми прикипела к старым вещам, грязным пятнам и запыленным углам.

— С книгой, — ответил Игорь.

Я пожала плечами, совсем забыв, что он не может меня видеть. Телефон выскользнул из-под

уха и задорно поскакал по полу. Я услышала лишь обрывки фраз Игоря: «...улыбается... говорит... остались живы... читает всегда...» На последнем ударе о пол крышка телефона отскочила в сторону, аккумулятор вылетел, и экран потемнел.

Я громко выругалась — пока дочери не было дома, могла позволить себе это.

Вася вернулась вечером — веселая и болтливая. Она тараторила о мороженом, о котенке, которого вынесла во двор какая-то девушка и разрешила погладить, о новой компьютерной игрушке, которая появилась у папы... Мне не было ни завидно, ни обидно: при всех своих недостатках Игорь честно не пытался перетянуть Васю на свою сторону, не корчил из себя обеспеченного и предобрейшего «воскресного папу», не пытался противопоставить себя — такого веселого и щедрого — мне, такой скучной и требовательной.

— ... папины соседи делают ремонт там все время что-то ж-ж-ж-ж-ж ж-ж-ж-ж-ж ж-ж-ж-ж тр-р-р-р тр-р-р-р, — тараторила Вася, уплетая котлету. — А еще папа повесил кормушку на балкон сказал что для воробьев но там только голуби прилетают один голубь такой толстый был что застрял в кормушке крыльями хлопал хлопал чуть кормушку не оторвал и вниз с нею не свалился папа голубя достал и выпустил...

Я слушала краем уха, рассеянно кивая. Идея с кормушкой, к слову, неплохая — много лет назад у родителей на балконе стоял скворечник, и мне очень нравилось наблюдать, как по весне скворцы хлопотали, таская туда пух, веточки, щепочки и траву. Правда, через месяц просыпаться

от истощного ора голодной толпы мне нравилось уже чуть меньше.

— ... а еще папа решил сварить мне кашу как мы видели по телевизору но у него не хватило молока поэтому он пошел в магазин а когда он вернулся ему позвонили с работы и он стал разговаривать мне было скучно я почитала папину книжку а потом папа вернулся и стал варить кашу а потом мы ушли играть папа забыл поставить таймер каша подгорела было много дыма и вони соседка пришла и звонила в дверь она сказала...

Тут Вася выдохлась и полезла в холодильник за соком.

— А что за книжка? — спросила я, смутно припоминая, о чем сегодня спрашивал Игорь. Что-то вроде: бормочет ли Вася, приступая к чтению?

Дочь выволокла из холодильника две пачки — апельсинового и яблочного — и стала над ними сосредоточенно раздумывать.

— С черной и красной обложкой, — сказала она.

— Интересная?

— Не очень, — пожала плечам Вася, решительно скрутила крышку у пачки апельсинового сока и набулькала половину чашки. Потом подумала, так же решительно вскрыла упаковку яблочного — и долила чашку доверху.

— Ну а про что там?

Вася сделала глоток, скривилась, отодвинула чашку и вышла из-за стола.

— Да там тете вначале ногу отрезали и в рот засунули, — сказала она. — Мне стало неинтересно, и я закрыла.

И ушла в комнату.

Я нервно сделала глоток из ее чашки, даже не ощущая вкуса, — и тут же набрала Игорю.